АЛЕТЕЙЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
Факультет гуманитарных наук
Школа философии

Этика войны и мира

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2016

УДК 172.4
ББК 87.7
Э 901

Печатается по решению Ученого совета факультета гуманитарных наук «Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Монография подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ

Э 901 Этика войны и мира: история и перспективы исследования / под общ. ред. Б. Н. Кашникова, А. Д. Куманькова. – СПб.: Алетейя, 2016. – 200 с.

ISBN 978-5-906823-95-3

Коллективная монография посвящена одной из фундаментальных проблем этики – определению возможности нравственного ограничения войны. В XXI веке, ввиду диверсификации политического пространства, развития различных видов глобализации и интеграции, а также усиления значения ассиметричных сил, требуется провести ревизию философских традиций войны и подвергнуть критическому анализу сам концепт войны. В то же время решение поставленной задачи невозможно без обращения к истории идей и понятий. Настоящее исследование особое внимание уделяет темам справедливости войны, ее дискурсивному конструированию, вопросам формирования образа врага и вражды. Монография адресована широкому кругу читателей – философам, историкам, специалистам по международным отношениям и международному праву, всем, кто интересуется проблемами философии войны, этики и политической теории.

ISBN 978-5-906823-95-3

9 785906 823953

УДК 172.4
ББК 87.7

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

Никитина С. В.

Нравственное оправдание войны В.С. Соловьёвым и Ф. М. Достоевским[1]

Abstract: *This paper analyzes V.S. Solovyev's and F.M. Dostoyevsky's approaches to a problems of seeking for a meaning of war, finding its role in a historical development of mankind and attempts of its moral justification. An effort was made in order to compare both authors' points of view and access the following questions: is it possible to justify war or it is an absolute iniquity? Under what conditions is justification of war possible?*

Ключевые слова*: В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, нравственное оправдание войны, война, мир, зло.*

Keywords*: Solovyov, Dostoevsky, moral justification of war, war, piece, evil.*

В данной работе мы проанализируем и сравним подходы Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева к проблеме

[1] Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

оправдания войны как исторического и нравственного феномена человеческой жизни.

Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев были знакомы, много общались и не могли не повлиять на мировоззрение друг друга, что, по мнению исследователей творческого наследия обоих авторов, хорошо заметно как в работах В. С. Соловьева, так и в произведения Ф. М. Достоевского [7, с. 73; 6, с. 112]. Их обоих в равной степени занимала и судьба российского государства в целом, и судьба отдельного человека, его духовное развитие, осмысление им собственного религиозного опыта и жизненного пути. Влияние взглядов Ф. М. Достоевского на молодого В.С. Соловьева, по мнению А. Ф. Лосева, хорошо заметно в его оценке некоторых исторически-правовых теорий католической церкви [6, с. 112]. Взаимное проникновение идей философа и писателя очевидно и в совпадении взглядов на будущую всеобщность церкви и единение человечества, то есть, идею вселенской церкви, в которой должны исчезнуть национальные и конфессиональные различия как причина соперничества и разделения между сообществами и отдельными индивидами [6, с. 112].

Если же говорить о явных противоречиях, то, как отмечает А. Ф. Лосев в своей монографии о Владимире Соловьеве, слишком выраженная и явная узконационалистическая позиция Ф. М. Достоевского, доходящая по мнению В. С. Соловьева до шовинизма, не находит должного отклика в мировоззрении философа. При этом стоит отметить, что Соловьёв разделял взгляды писателя на особую историческую роль русской нации и российского государства как средства для объединения Запада и Востока [6, с. 113]. По свидетельству Е. Н. Трубецкого, определение В. С. Соловьевым России как силы, которой суждено в будущем выступить в качестве спасительницы народов, в значительной степени повлияло на взгляды

Ф. М. Достоевского в этом вопросе. Главным предназначением России оба мыслителя считали «вселенское примирение» как осуществление идеи «всеединства», именно к этому оба сводили ее основную историческую и культурную задачу [7, с. 76–78].

Размышления Ф. М. Достоевского о судьбе России, особенно в годы бурных исторических событий, современником которых он стал, нашли своё отражение в его творчестве. Так, мы замечаем его попытки оправдать участие России в войнах за независимость балканских народов. События 70-х годов 19 века нашли живейший отклик в мировоззрении Ф. М. Достоевского, который с воодушевлением принялся отстаивать участие России в боевых действиях. В апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год он напишет следующее: «нам нужна эта война и самим; не для одних лишь «братьев-славян», измученных турками, подымаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растления и в духовной тесноте» [5, с. 557]. Темой величия России, ее особенного предназначения и ее духовного возрождения проникнута каждая строчка этой заметки. Очевидна надежда Ф. М. Достоевского на изменение ситуации и в самой России. Там же Ф. М. Достоевский напишет: «...нам нужна война и победа. С войной и победой придет новое слово, и начнется живая жизнь, а не одна только мертвящая болтовня как прежде...» [5, с. 559]. Писатель видит, что происходящее поможет прийти к духовному единению нации, к консолидации всех ее внутренних и внешних ресурсов, с последующей эволюцией и перерождением мирового порядка.

Безусловно, и Соловьев, и Достоевский осуждали военные действия и считали, что в нравственно-религиозном смысле двух мнений быть не может: война недопустима. Но в условиях внешнего, материального мира, в историческом

контексте, она является, прежде всего, отображением внутреннего состояния человеческой нравственности и в этом случае может быть даже полезной: как индикатор степени духовной зрелости человечества.

Прежде чем приступить к анализу взглядов обоих мыслителей, необходимо обозначить несколько вопросов, на которые мы попытаемся ответить:

- война является абсолютным злом или относительным? Может ли она быть полезной?

- какая война, при каких условиях может быть признана справедливой (оправданной)?

- можно ли оправдать войну и участие в ней?

Оба мыслителя проводят в своих рассуждениях аналогию между медициной и войной, называя последнюю и болезнью человечества и, одновременно, единственным средством для спасения от нравственных недугов. Война для них — это прежде всего симптом морального нездоровья всего человечества. Это отражение во внешней жизни событий, протекающих во внутреннем, духовном пространстве, в отношениях между людьми и между государствами. По этой причине, представления о войне как об абсолютном зле несколько преувеличены. Ее нельзя рассматривать саму по себе, в отрыве от условий и процессов происходящих в общественной жизни.

Как было уже сказано, оба мыслителя были против категорической трактовки феномена войны как абсолютного зла. В частности, Соловьев уточняет, что зло бывает относительное и безусловное. Безусловное зло — это «смертный грех, вечная гибель», то есть нечто, что есть зло уже по своему определению. Зло же относительное является таковым только в ракурсе определенных событий и при некоторых условиях может даже считаться добром. Примером такого относительного зла может служить хи-

ургическое вмешательство, лишающее человека одного из его органов, но таким образом сохраняющее ему жизнь.

Выбрасывать детей из окна «дело само по себе безбожное», но в условиях пожара это может быть единственным способом их спасти, пишет Соловьев в «Смысле войны». То есть, это действие становится не только не дурным, а, напротив — принципиально обязательным. «Очевидно, правило бросать детей из окошка в крайних случаях не есть самостоятельный принцип наравне с нравственным принципом спасания погибающих; напротив, это последнее нравственное требование остается и здесь единственным побуждением действий; никакого отступления от нравственной нормы здесь нет, а есть прямое только ее приложение способом хотя неправильным и опасным <…> но единственно возможным при данных условиях» [3, с. 28].

«Не зависит ли и война от такой необходимости <...>?» продолжает философ. Одним из главных заблуждений в оценке войны Соловьев называет неправильное соотнесение каждого конкретного факта войны и области его применения. В действительности, война требует рассмотреть ее в трех аспектах:

- общенравственном или теоретическом;
- историческом;
- лично-нравственном [3, с. 27].

Все три аспекта следует различать и ни в коем случае не подменять один другим.

Общенравственная оценка не может иметь иного мнения, кроме того, что война есть зло непозволительное и осуждаемое. Все мировые религии — мудрость и совесть человечества, одинаково настаивают на прекращении войн и установлении мира. (В этом контексте схожего мнения придерживается и Ф. М. Достоевский)

Но в историческом плане, отношение к войне не может быть таким однозначным. Это как раз и есть та самая необходимость, о которой говорит Соловьев, определяя войну как «зло относительное». Примером такого смещения дискурса Соловьев считает слишком вольную трактовку понятия «война всех против всех», а именно перенесения этого принципа из исторической области на естественнонаучную. «На самом деле борьба за существование не имеет ничего общего с войною. Когда говорят, что известный вид существ победил в борьбе за существование, то это не значит, что он одолел каких-то врагов в каких-нибудь прямых столкновениях или открытых боях — это означает только, что достаточная приспособляемость к внешней среде <…> позволила этому виду сохранить и распространить свое существование» [3, с. 29].

Таким образом, драку древних людей за территорию или добычу считать войной нельзя. В основании войны лежит «свободная игра страстей», но не одно только чувство голода. Не будучи защищенными от внезапного нападения чужаков, роды и племена образуют федеративные объединения, постепенно перерождающиеся в государства. В государстве, среди его граждан война уже становится невозможной — они теперь действуют сообща, появляется особый институт — профессиональные военные, которые отвечают за защиту граждан и ведение войн с соседями. С этого момента, считает философ, начинается постоянное движение к миру, правда, посредством войны.

В каждой крупной войне древности, в каждой попытке завоевания как можно большего количества земель, Соловьев видит лишь попытку объединения многих наций под владычеством одного государства. И это объединение направлено на приобретение и сохранение вечного мира, попытки прекратить раздоры между людьми. Развитие военного дела приводит к тому, что военный

контингент необходимый для ведения войны значительно уменьшается от эпохи к эпохе, а следовательно, и число жертв снижается. На это обращает внимание один из героев диалога «Три разговора...», Политик: войны становятся все менее кровавыми и затяжными, а нации, которые в прошлом имели репутацию искусных и успешных воителей, теряют свое превосходство. Руководствуясь этими размышлениями, Политик предполагает, что война, в конце концов, изживет себя [4, с. 134–135].

В военном прогрессе В. С. Соловьев усматривает и повышение нравственного уровня эпохи, а в дальнейшей перспективе объединения всех людей под общим началом. Война у В. С. Соловьева выступает в качестве самого исторически действенного способа установления повсеместного мира.

Третий вопрос, озвученный философом — это личное отношение к войне, определяемое каждым человеком на базе его морально-этических представлений и опыта, исходя из которых, первым желанием каждого индивида будет стремление осудить войну, в первую очередь, за убийство людей. Некоторым, таким же очевидным видится и следующее решение: каждому отказаться от обязательной военной службы, и таким образом сделать любую войну невозможной. Но В. С. Соловьев не согласен с подобной позицией, он утверждает, что отказ нести военную службу из желания прекратить войну не только является бессмысленным, но и отчасти подлым по отношению к остальным согражданам. Во-первых, нелепо утверждать, что война является порождением военной службы, а убийство другого человека a priori есть намерение каждого участвующего в конфликте солдата. А во-вторых, каждый отказавшийся от службы из-за желания исключить для себя любую, даже малейшую возможность убийства человек, тем самым подвергает этой же возможности своих

сограждан, которые вынуждены будут занять свободное место отказника и подвергнуться тяжким испытаниям вместо другого. Для В. С. Соловьева весьма сомнительна нравственная ценность подобного поступка. Кроме того, чтобы исключить для себя малейшую возможность совершения убийства в случае войны (которой, впрочем, может и не случиться за время его службы в регулярной армии), человек идёт на конфликт со своим государством, вынуждая власть применить насилие.

Ф. М. Достоевский в отношении тех же вопросов оставался скептичен: высказываясь относительно христианской морали осуждающей убийство и прогнозов скорого прекращения войн на земле, он обращает внимание читателя на то, что время этого события неизвестно и не стоит торопиться «расковывать мечи на орала» в мире, где войны не только не закончены, но и мир сам настолько плох, что не имеет никакой ценности. Кроме того, писатель считает неверным определять участие человека в войне жаждой убийства, ведь первоочередной задачей для воина является защита своего государства и своих сограждан. Таким образом, люди реализуют свою высочайшую нравственную потребность отдавать себя во имя общего дела.

Еще один вопрос, который требует рассмотрения в рамках лично-нравственного отношения к войне, это вопрос об обязательствах гражданина перед государством. Отвечая на этот вопрос, В. С. Соловьев полемизирует с анархической позицией некоторых своих современников, критикуя за наивность их определение государства как объединения, имеющего своей целью удерживать граждан в рабском повиновении. По мнению философа, государство представляет собой форму, способную обеспечить индивиду не только защиту, но и духовное развитие, а также взять на себя многие обязательства самого индиви-

да, обеспечить выполнение которых в одиночку он не в состоянии. Поэтому он считает абсолютно неприемлемым стремление отказывать в поддержке государству в осуществлении этих обязательств. Кроме того, В. С. Соловьев полагал, что «<...> все тягости милитаризма ничего не говорят против необходимости вооруженных сил. <…> Военная и всякая вообще принудительная организация есть не зло, а признак и следствие зла» [3, с. 54]. Наши межличностные отношения, равно как и межгосударственные, зависят только от наших, индивидуальных, моральных качеств. И, вслед за Достоевским, считающим, что человечество еще не достигло надлежащего этического уровня, чтобы окончательно сложить оружие, Соловьев делает вывод, что «<...> пока Каиновы чувства не исчезли в сердцах людей <...>» государство, как сдерживающий фактор, будет необходимо [3, с. 54].

Анализируя размышления Достоевского о войне, изложенные им на страницах «Дневника», вслед за писателем нужно отметить несколько пунктов в его рассуждениях о войне. Во-первых, война для Достоевского — это необходимое условие для обновления, или «перезагрузки» нашего мира, культуры, межнациональных и межличностных отношений. Длительный мир это своеобразный «застой», который погружает человечество в скуку, а человеческая нравственность в ней, как в болоте, загнивает, растлевается и деградирует. Автор приводит следующую схему трансформации человеческой морали: долгий мир — апатия — притупление чувств — сластолюбие — сладострастие — жестокость. В период длительного мира, люди становятся равнодушными и жестокими к себе подобным. Война, напротив, способствует усилению самых положительных душевных качеств и альтруистических порывов в обществе. Во время войны наиболее полное раскрытие получают моральные устремления индивида. Прежде

всего — жертвенность, как необходимость отказаться от собственных интересов ради всеобщего блага. В то же время, именно в годы войны эта жертва получает наибольший отклик и значимость.

Следующий пункт, который выделяет Достоевский — это единение людей. Военное время активизирует в сообществе взаимоуважение и стирает межклассовые границы. «Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства — в жертве жизнию за общее дело, за всех, за отечество» [1, с. 17].

В-третьих, Ф. М. Достоевский убежден, что война не порождает ненависти, в том числе и к противнику. Любая недосказанность в отношениях между правительствами в мирное время порождает больше возмущения и обид, чем между участниками боевых действий, которые сохраняют уважение к своему противнику. (Ф. М. Достоевский с явным удовольствием рассказывает о том, как во время Крымской кампании англичане и русские ходили друг к другу пить водку в перерывах между боями).

Главной причиной столь парадоксальных выводов, Достоевский называет саму человеческую сущность. Осознание собственного нравственного несовершенства (трусости, бесстыдства, лени) рождает стремление побороть в себе все отрицательные качества и очиститься духовно. Самым мощным и действенным средством пока остается война. По мысли Достоевского, именно война дарит обществу то великодушие, которого люди напряженно ищут в себе и друг друге.

Надо отметить, что даже высказываясь о войне в положительном тоне, Ф. М. Достоевский не стремится оправдать каждую войну, а делит войны на две категории: политические, то есть международные; и междоусобные,

гражданские войны. И если первая на страницах «Парадоксалиста» всячески приветствуется им как «совершенно необходимая» и приносящая пользу (Достоевский говорит даже о святости войны — если эта война за освобождение), то гражданская война однозначно отрицается. Писатель ограничивается всего парой строк о ней, и говорит как о явлении определенно неприемлемом: «Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия»[1, с. 11].

На самом деле, Ф. М. Достоевский остро чувствует и глубоко переживает главный и страшный парадокс войны: с одной стороны — это величайшая трагедия нации, экономический кризис, потери среди мирного населения, а с другой — она объединяет граждан одной страны, излечивает от эгоизма и равнодушия, открывает в человеке мужество, способность на жертву и взаимопомощь, причем в той превосходной степени, которая так редко встречается в мирной жизни. Война, направленная не на захват чужой территории, не на угнетение другого народа, а наоборот — война освободительная, священная, за свободу славянских народов — в первую очередь именно эту жертвенную и героическую войну и готов оправдать Ф. М. Достоевский. И именно такую войну, предпринятую из глубокого сострадания к бедствиям другого народа и не направленную на получение выгод, считает он, сложнее всего понять западному человеку [2, с. 20].

И Ф. М. Достоевский, и В. С. Соловьев считают, что главная причина войн кроется в нравственном несовершенстве человека, а именно, в его враждебном отношении к себе подобным, «хронической болезни человечества». По мнению В. С. Соловьева, так называемая «война всех против всех» как борьба за пропитание не имеет ничего

общего с враждебным отношением людей друг к другу. Ведь, несмотря на то, что потребность в пище успешно удовлетворяется (чему немало способствует технический прогресс), войны в мире не прекратились до сих пор. Философ приводит в пример описанное в Ветхом Завете самое первое в истории мира убийство: Каин убил Авеля, движимый исключительно завистью и злобой.

Так же как и В. С. Соловьев, Достоевский верил в то, что войны — явление преходящее и однажды наступит время, когда они станут больше не нужны. Это время настанет, как представлялось Достоевскому, когда все получившие независимость славянские государства объединятся под покровительством России-освободительницы.

Учение В. С. Соловьева о всеединстве является базой, на которой он выстраивает стройную систему оправдания войны, как инструмента, подготовляющего почву сначала для распространения христианства, а в последствии и идеального устройства мира. Именно войны, по мысли В. С. Соловьева, спровоцировали и сопровождают процесс формирования государственности. Война в то же время является и средством обеспечения мира. Она объединяет людей в их материальной культуре и является средством внутреннего единения человечества, т.к. способствует единению людей как внутри воюющей нации, так и с народом государства-противника. Впоследствии это послужит проникновению и взаимному обогащению их культур. Технический, экономический, научный и прочие виды прогресса обусловлены этим межнациональным и межкультурным обменом. Все нации в этом мире настолько связаны экономически и технически, и настолько зависимы друг от друга, что буквально одержимы «страхом перед войной», ведь кризис в одной части света неизбежно приведет к сложностям и в другой. Экономическое слияние мира для В. С. Соловьева есть некая

новая стадия, после культурно-вещественного обмена, осуществленного Римской империей, на пути к будущему духовному объединению, некоему нематериальному единению всего человечества.

Таким образом, «<...> всеобщность материальной культуры, осуществляемая отчасти посредством войны, сама становится могучим средством и основанием мира» [3, с. 43–44]. Даже после распада мировых держав, люди остаются объединенными общими культурными и духовными ценностями. Войны способствуют смешению идей, их взаимопроникновению. Это постепенное историческое движение мира к всеобщему мирному состоянию, в учении философа о всеединстве, несомненно, оправдывает войну как организующую силу, обеспечивающую некую подготовительную стадию по объединению человечества, в дальнейшем, во всеобщее теократическое государство. Когда нравственное основание в человеке возьмет верх над его материальной природой, тогда и необходимость войны как организующего и объединяющего начала, наконец, исчезнет.

Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев — два оригинальных и ярких мыслителя, во многом определивших путь, по которому развивалась, впоследствии, русская философская мысль. Их представления о войне и роли России в мировом порядке имеют много общего: оба считают войну нравственной болезнью человечества и одновременно условием его выздоровления; развивают идею всеединства и осуществления Россией синтеза между противостоящими друг другу культурами Запада и Востока. Нравственный смысл (а, значит и оправдание) войны оба мыслителя связывали с осознанием и принятием Россией своего предназначения. Соловьев говорил в этой связи о противостоянии азиатскому Востоку и сдерживании его хищных намерений, Достоевский о руководстве славянским

союзом, объединённым не политической или военной силой, но силой духовной. Разница в позициях двух этих мыслителей обнаруживается в том, что для Достоевского проблема придания смысла войне была неотделима от идей панславизма и русского национального мессианства, а В. С. Соловьев со временем отказался от идей русского мессианства в пользу объединения всех трех ветвей христианства в единую вселенскую церковь.

Литература

1. *Достоевский Ф. М.* «Парадоксалист» // Русские философы о войне. / сост., И.С. Даниленко. — М.: Кучково Поле, 2005. С. 11-17.
2. *Достоевский Ф. М.* «Признания славянофила» // Русские философы о войне. / сост., И.С. Даниленко. — М.: Кучково Поле, 2005. С. 18-24.
3. *Соловьев В. С.* «Смысл войны» // Русские философы о войне. / сост., И.С. Даниленко. — М.: Кучково Поле, 2005. С. 25-57.
4. *Соловьев В. С.* «Три разговора» // Русские философы о войне. / сост., И.С. Даниленко. — М., 2005. С. 58-247.
5. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. / сост., комментарии А.В. Белов; отв.ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 880 с.
6. *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. Ин-т изд. ЛитМир/URL:http://www.litmir.co/br/?b=159133&p=1#section_1 (дата последнего обращения 29.11.2015)
7. *Трубецкой Е. Н.* Соловьев и Достоевский. //Миросозерцание Вл. С. Соловьева. — М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1913. — Т. 1. — 652 с.

Аннотация: *В статье сопоставляются подходы В. С. Соловьева и Ф. М. Достоевского к проблеме поиска смысла войны, определения ее места в историческом развитии человечества и попыткам ее нравственного оправдания. Сделана попытка сравнить точки зрения обоих авторов и дать ответ на вопросы: возможно ли оправдать войну или она есть безусловное зло? При каких условиях оправдание войны все-таки возможно?*

Никитина С. В.

Сведения об авторе: *Никитина Софья Валерьевна, студентка 3 курса школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.*